

ШАРГОРОД КАК ЕВРЕЙСКОЕ МЕСТЕЧКО В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ОСОБЕННОСТИ И ТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА

Розина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, Московский государственный областной университет, Москва, Россия, olgrozina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0437-7724>

Аннотация. Региональные историко-культурологические исследования являются одним из новых направлений регионалистики, что связано с актуализацией проблем региональной идентичности в условиях идентификационного кризиса – как на уровне личности, так и на уровне этноса в целом. Мировоззренческий раскол общества как порождение плюрализма культуры постмодерна начала XX в. привел к фрагментарности исторического познания и мозаичности исторических конструкций, девальвации ценности единого исторического прошлого на постсоветском пространстве. В логике исторического постмодернизма возможна подмена исторических фактов, что вместе с размытостью социально-пространственной идентичности является почвой для мифотворчества и искажений реально проходивших процессов в истории и культуре народов. В условиях современной информационной войны особую актуальность приобретают различного рода антироссийские исторические мифы, в том числе о «тюрьме народов». В статье исследуется история еврейского этноса – одного из традиционных этносов, проживавшего на территории Российской империи в конце XVI – начале XX вв. на Украине. В качестве объекта регионального исследования выступает Шаргород – один из городов Восточного Подолья (ныне Винницкая область) – как типичное еврейское местечко с характерными чертами социокультурного облика. Город возник в 1585 г. на землях польского магната Яна Замойского, где столкнулись геополитические интересы Российской и Османской империй, Польши, Литвы и Молдавского княжества.

Ключевые слова: регионалистика, еврейское местечко, евреи, еврейский этнос, синагога, Шаргород, Подолье, Речь Посполитая, Российская империя.

Для цитирования: Розина О.В., Шаргород как еврейское местечко в конце XVI – начале XX вв.: особенности и типичные черты социокультурного облика // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 60–69. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-60-69>

Research Article

SHARHOROD AS A JEWISH SHTETL AT THE LATE 16TH – EARLY 20TH CENTURIES: PARTICULAR QUALITIES AND TYPICAL FEATURES OF THE SOCIO-CULTURAL APPEARANCE

Olga V. Rozina, Candidate of Historical Sciences, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, olgazarozina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0437-7724>

Abstract. Regional historical and cultural studies represent the new areas of regional studies associated with the actualisation of the problems of regional identity in the context of an identification crisis, both at the level of the individual and at the level of the whole ethnic group. The worldview split of society as a product of the pluralism of the postmodern culture of the early 20th century led to the fragmentation of historical knowledge and the mosaic nature of historical structures, the devaluation of the value of a single historical past in the post-Soviet space. In the logic of historical postmodernism the substitution of historical facts becomes possible, which together with the blurring of socio-spatial identity, make the basis for myth-making and distortions of the processes that actually took place in the history and culture of peoples. In the context of the modern information warfare, various anti-Russian historical myths, including the “prison of the nations”, acquire special topicality. The article examines the history of the Jewish ethnos – one of the traditional ethnic groups that used to live in the territory of the Russian Empire at the late 16th – the early 20th centuries in the Ukraine. The object of regional research is Sharhorod, one of the towns of Eastern Podolia (now Vinnytsia Region), a typical Jewish shtetl with characteristic features of socio-cultural appearance. The town arose in 1585 in the lands of the Polish magnate Jan Sariusz Zamoyski, where the geopolitical interests of the Russian and Ottoman empires, Poland, Lithuania and Principality of Moldavia collided.

Keywords: regional studies, Jewish shtetl, Jews, Jewish ethnos, synagogue, Sharhorod, Podolia, Polish-Lithuanian Union, Russian Empire.

For citation: Rozina O., Volkova T. Sharhorod as a Jewish shtetl at the late 16th – early 20th centuries: particular qualities and typical features of the socio-cultural appearance. *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 2, pp. 60–69 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-60-69>

Регионалистика является одним из актуальных направлений современных историко-культурологических исследований [Андрющенко]. Начало было положено еще в 70-е гг. XX в. американским ученым У. Айзардом, занимавшимся анализом эколого-экономических проблем регионов [Isard]. На внутривосточном уровне изучаемые регионы представляют собой, как отмечает В.Н. Стрелецкий, «единство в разнообразии... Поскольку единство региона при этом мыслится именно как общность людей, при таком исследовательском подходе просто невозможно обойтись без учета фактора исторического наследия» [Стрелецкий: 4]. Исследователи отмечают интерес научного сообщества к проблемам вернакулярных районов [Казакова] и региональной идентичности [Мурзина], в том числе еврейской [Носенко-Штейн]. Как заметила Н.А. Лавочкина, «конструирование региональной идентичности чаще всего основано на особой региональной истории, мифах и традициях... проживавших и проживающих на территории данного региона» [Лавочкина: 451]. Данное исследование посвящено региональной истории еврейского этноса на бывшей территории Российской империи. Здесь на рубеже XX–XXI вв. проблема региональной идентичности приобрела особую актуальность, обострившись в условиях современной информационной войны [Безнюк; Багдасарян]. Как замечает политолог В.А. Розина, изучая особенности информационных войн, «задачи такой борьбы не в физическом, а в идеологическом уничтожении противников – изменении мировоззрения, дискредитации идеологии и т. д.» [Розина: 80]. Вместе с тем, как заметил немецкий социолог Х.-Г. Велинг, «местечковое-земляческое-региональное-национальное самосознание образуют как бы разные пространственные “концентры” единой культурной идентичности [Regionale politische: 11]. Поэтому выявление и изучение типичных черт и особенностей социокультурного облика в отдельно взятом регионе на примере еврейских подданных Российской империи является актуальной задачей противодействия национальной ксенофобии и медиаискажениям отечественной истории.

В многочисленных отечественных исследованиях по «еврейскому вопросу» подробно освещаются различные стороны истории евреев в России, их быт и даже антропологические особенности [Элькин; Ивановский]. Но история и социокультурный облик отдельных еврейских местечек, в том числе в Подолье, представлены фрагментарно либо в путеводителях^{1, 2}, либо в краеведческой литературе [Нагребцкий]. В названных путеводителях содержатся

общие сведения о жизни евреев в регионе, дан анализ пространства и формы еврейских местечек, а также краткие исторические справки по некоторым из них и упоминание в фольклорной еврейской традиции. В книге А.Н. Нагребцкого представлены фрагменты архивных материалов и газет, фотографии, воспоминания современников.

Шаргород – город в Винницкой области Украины с райцентром в Жмеринке – крупном железнодорожном узле. Через город протекает небольшая речка Мурашка, впадающая в речку Колбасную. Это территория Подольской возвышенности между средним течением Днестра и Южным Бугом, входившая в состав Галицко-Волынского княжества, называемая в летописях «Понизье» и «Низовье», в более позднее время – Подолье. В 1383 г. литовский князь Витовт основал на излучине двух рек поселение Князя Лук, которое впоследствии вошло в Карчмаровскую волость. Территория волости находилась под властью литовских князей Корьятовичей (из династии Гедиминовичей). Но в конце 60-х гг. XIV в. они стали вассалами польского короля Казимира III Великого, который не препятствовал образованию самостоятельного Подольского княжества с центром в городе Каменец (ныне Каменец-Подольский, в 150 км от Шаргорода). С конца 1370-х гг. Каменец стал центром католического диоцеза.

Согласно данным Р. Вайнер, в середине XVI в. на польских землях проживало до 80 % евреев всего мира [Rebecca Weiner]. Процессы, характерные для социально-политической жизни Польши XVI в. проходили повсеместно, в том числе и в Подолье. В 1505 г. польская шляхта добилась принятия сеймом Радомской конституции, которая сильно ограничила королевскую власть, а также ввела запрет на занятие евреями государственных должностей. Вскоре для евреев были введены ограничения на торговые и откупные операции, а мелкая и средняя шляхта стала торговать сельскохозяйственной продукцией без посредников-евреев. Началось переселение еврейских жителей королевских городов во владения магнатов, которые получали огромные латифундии. Этот процесс был особенно активным на малозаселенных автохтонным украинским населением землях Правобережной Украины, где столкнулись геополитические интересы Российской и Османской империй, Польши, Литвы и Молдавского княжества. Освоение новых территорий сопровождалось строительством замков и крепостей, способствовало миграции еврейского населения и развития их поселений (местечек) как центров торговли и ремесла.

Возникновение Шаргорода связано с крупным магнатом, королевским секретарем и великим гетманом коронным Яном Замойским (1542–1605), который получил от короля Стефана Батория обширные территории в Подолье, на границе с землями, захваченными Османской империей. В Карчмаровской волости, до этого находившейся во владении каменецкого епископа, 28 мая 1585 г. по заказу Замойского на возвышенности в месте слияния Мурашки и Колбасной началось строительство замка. Его архитектором стал итальянский зодчий Бернардо Морандо, который по распоряжению того же великого гетмана построил в стиле итальянского Возрождения город Замостье в Люблинском воеводстве Польши – главную резиденцию Замойских (ныне охраняется ЮНЕСКО). Шаргородский замок из массивного песчаника имел пять башен, соединенных цитаделью, современную по тем временам артиллерию и контролировал переправы через протекавшие речки, имевшиеся здесь с незапамятных времен. Отдельные фрагменты крепостных стен и башен можно видеть и сейчас, часть каменной кладки использовалась жителями для строительства домов и хозяйственных построек.

Новая крепость была названа Шарым Городком (Шарогрудком, Шаргородом) в честь легендарного основателя и покровителя рода Замойских Флориана Шарого. После Люблинской унии 1569 г., объединившей Королевство Польское и Великое княжество Литовское в единое государство – Речь Посполитую, в Подолье в малонаселенную Карчмаровскую пустынь через Польшу стали прибывать немецкие еврей-переселенцы. По свидетельству Нагребецкого, «в 1570 г. в Шаргороде уже насчитывалось 10 еврейских домов, в каждом из которых проживало по 5–7 человек» [Нагребецкий: 22]

В 1588 г. король Сигизмунд II даровал Шаргороду Магдебургское право, что освободило его от феодальных повинностей и от власти воевод, а также подчеркивало статус нового города, лежавшего на перекрестке торговых путей. Был создан выборный городской магистрат и дарован герб с изображением св. Флориана. Магдебургское право предусматривало раздельное проживание этносов на городской территории, так в Шаргороде появился еврейский квартал. После Яна Замойского Шаргородом с 1605 г. владел его сын сандомирский воевода Томаш, а затем его дочь Анна Барваре – супруга также сандомирского воеводы Александра Конецпольского, а после них – кастелянин из Кракова Станислав Конецпольский.

Как известно, Магдебургское право не распространялось на еврейское население, и в 1588 г. Шаргород получил статус местечка с самоуправляющейся автономной общиной. Этот статус нового города был связан, видимо, с покровительством Замойского местной

еврейской общине: он до этого имел успешные деловые и коммерческие контакты с польскими евреями. В середине XVI в., как указывает В.Н. Воловик, «возникает понятие местечковой еврейской культуры, а в ландшафтной структуре – понятие “штетла”» [Воловик: 197]. Он уточняет: «под местечком в Подолье понимают торгово-ремесленный центр, где обслуживается сельское население близлежащих территорий... Местечки имели удобное коммуникационное положение – на перекрестке путей, что способствовало развитию ярмарочной торговли. Их функция – конвергентная, в отличие от дивергентной в сельских этнокультурных ландшафтах» [Воловик: 191]. «Обзор Подольской губернии за 1892 г.» поясняет: «Каждое местечко, со своим промышленным населением и своими частыми ярмарками и базарами, служит естественным торговым центром, куда для купли и продажи стекается всё окрестное крестьянское население»³.

Статус местечка давал еврейским жителям Шаргорода привилегии, которыми они пользовались на польских землях. Еще в 1264 г. польский удельный князь Болеслав Благочестивый ввел Калишский статут. Согласно этому правовому документу, евреи стали «слугами польской короны» и получили свободу передвижения, торговли, неприкосновенность личности, а также защиту кладбищ и синагог [Iwo Surlian Pogonowski]. Как писал польский историк П. Ясеница, Казимир III Великий (1310–1370), последний король из династии Пястов, в 1334 г. подтвердил Калишский статут, а в 1364 г. распространил на еврейских жителей всей Польши юрисдикцию польского королевского суда, освободив их от немецкого судопроизводства, и провозгласил свободу вероисповедания [Jasienica: 346]. Это обеспечило безопасность евреев в условиях гонений в остальных странах Европы. Сам же Казимир получил прозвище «короля холопов и евреев» [Jasienica: 346–350]. Польский политик и историк С. Кот, исследуя сатирические произведения начала XVII в., в частности анонимный пасквиль 1606 г., обратил внимание на фразу, точно характеризующую отношение польских властей к евреям: «Польша была небом для шляхты, чистилищем для мещан, пеклом для холопов и раем для евреев» [Stanisław Kot: 202]. Еврейский историк-экономист Б.Д. Вайнриб приводит мнение краковского раввина и правоведа XVI в. Моше Иссерлеса: «...если бы Бог не дал евреям Польши как убежища, судьба израильского народа была бы, по-видимому, уничтожение» (цит. по: [Weinryb: 166]). Поэтому с самого начала заселения Шаргорода его еврейские жители имели преимущества, которым пользовались все польские евреи и которыми не обладали украинцы, будучи коренным населением Подолья, а после Люблинской унии (1569) и вовсе подвергшиеся латинизации и полонизации.

После получения Шаргородом статуса местечка начинается рост еврейского населения города, и уже в 1589 г. здесь была построена синагога в псевдомавританском стиле, сохранившаяся до наших дней, как сакральный локус еврейского квартала (правда, в ней с советских времен располагался цех завода, ныне она передана общине). Некоторые фотографии синагоги размещены в альбоме, выпущенном Винницким областным краеведческим музеем⁴. Это было не только молитвенное здание с пристройкой хедера (школы для мальчиков), но и фортификационное сооружение с глубокими подвалами, подземными ходами и четырьмя башнями по углам. Узкие проемы окон углублены в стены, как бойницы, внутри стены проходит лестница на крышу. «Синагога, – пишет Е. Шнайдер, – являлась одним из основных защитных сооружений города, составляя классический на то смутное время фортификационный треугольник с замком и костелом св. Флориана»⁵. По мнению Воловика, «расположение шаргородской синагоги дает основания полагать, что она была вынесена за границу первых городских укреплений и выполняла беллигеративную функцию барбакана» [Воловик: 204]. Как отмечают исследователи-архитекторы, «...фасадные плоскости с арочными окнами завершены карнизом, над которым установлен аттик волнистого абриса, составленного из отдельных звеньев – собранных в столбики криволинейных щитов и наружных цилиндрических башен. Ось главного входа на уровне аттика подчеркнута массивным и высоким двухъярусным щитом, украшенным валютами»⁶. Внутренний объем здания имеет девять компартиментов, образованных четырьмя опорными столбами. Сомкнутые арочные своды соединяют внутреннее пространство компартиментов. «Крепкие стены, гибкий ренессансный аттик с красочными зубчиками и маленькими орнаментальными башнями по углам, прорубленные большие окна придают синагоге самобытный вид», – писал украинский историк Д.В. Малаков [Малаков: 94–95]. В 1595 г. синагога выдержала нападение восставших казаков под предводительством Северина Наливайко: здесь под толщей 2-метровых стен укрылась вся еврейская община города.

Во время Тридцатилетней войны (1618–1648) в Подолье усилилась эмиграция евреев из немецких земель. Это привело к росту еврейского населения Шаргорода: здесь еврейская община была одной из крупных в крае. В целом, как указано в переписи 1629 г., в Шаргороде насчитывалось 646 «дымов», то есть более 3 тыс. человек⁷.

Кроме еврейской общины, имевшей административную и судебную автономию, в городе было еще три христианские общины (католическая, униатская и православная), подчиненные, согласно Магдебургскому праву, городскому войту (старосте – главе го-

родского магистрата) и магистерскому суду. Осенью 1596 г. был освящен костел св. Флориана, ставший центром католической общины. В начале XVII в. в Подолье появились иезуиты. В 1608 г. они поселились в Каменец-Подольске и с 1609 г. начали активную миссионерскую деятельность [Пламеницкая]. В 1636 г. иезуиты приехали в Шаргород, что усилило католическую общину города. Униаты появились в Речи Посполитой после Брестской унии 1596 г., когда митрополит Киевский, Галицкий и вся Руси Михаил принял католическое вероучение и признал верховенство римского папы, расколов тем самым Церковь на греко-католиков и православных. Польские короли поддерживали униатов. Так, в пригороде Шаргорода селе Калиновка в начале XVII в. греко-католический орден василиан построил Свято-Николаевский мужской монастырь, который в 1747 г. был перенесен в город – прямо напротив костела св. Флориана. Православными оставались в основном украинские жители предместий. Именно в Слободе Шаргородской в 1750 г. была построена деревянная церковь Рождества Богородицы. Описание православных храмов Подолья и отчасти духовной жизни православных христиан оставил профессор Киевской духовной академии Н.И. Петров [Петров]. Агрессивный характер проповеди и действий униатов на фоне кризиса православной Церкви в католической Польше привели к созданию в Шаргороде в 1628 г. православного братства, открывшего школу для детей по обучению религиозной грамотности. Между евреями и иезуитами, а также между православными и униатами сложились непростые межрелигиозные отношения.

Планировка города первоначально ориентировалась на дворец Замойских как его основателей (он сохранился в полуразрушенном состоянии). Затем центр переместился на рыночную площадь, здание магистрата и ратушу. К началу XVII в. Шаргород имел четыре части, практически сохранившиеся до нашего времени. Старый город располагался на юго-востоке и был защищен стенами замка, земляными укреплениями с деревянным частоколом и рвом с водой. В нем располагалась синагога и еврейский квартал с жилыми домами и торговыми местами. Такое расположение еврейского квартала было характерно для многих местечек Восточного Подолья. По мнению Воловика, это было связано с тем, что «городские валы защищали замкнутое, “одомашненное” пространство местечка от “открытого” и опасного пространства окружающего мира (леса, дороги, реки). Городские стены были “субботней границей” (эрув), условно объединявшей еврейские дома и кварталы в общее владение, от которого в субботу нельзя было отдаляться более чем на 2 000 локтей (около 1 км). После разрушения городских укреплений роль границы штетла выполняла река» [Воловик: 205]. Новый город Шаргорода

строился вокруг костела и монастыря на землях церковного прихода. Рядом с городом были два предместья, заселенные украинскими земледельцами: за рекой Колбасной – село Гибаловка и на правом берегу Мурашки – Сеньковцы, ставшие со временем Слободой Шаргородской. Они отличались ярко выраженной украинской культурой: «...характерной особенностью здешних населенных пунктов являются белые хаты малороссов, по типу своей постройки совершенно отличные от изб крестьян-великороссов»⁸. Оба поселения ныне вошли в городскую черту, но сохранились как отдельные населенные пункты. Такое соседство еврейского, украинского и польского населения с различными религиозными традициями являлось характерной черной многих городов Подолья.

Однако это соседство не всегда было мирным, что впервые проявилось в период «хмельнитчины» – так порой именуется восстание казаков под предводительством Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой в 1648–1654 гг. Близость территории Запорожской сечи к Шаргороду и поддержка православными жителями города казацких отрядов соратника Хмельницкого Максима Кривоноса привели к тому, что польский гарнизон покинул крепость, не дожидаясь казаков, которые вскоре захватили город. Собравшись с силами, польский отряд вступил в бой с казаками. Они покинули Шаргород. Однако перед этим, как писал в письме коронному канцлеру брацлавский воевода, казаки «пьянствуя днем и ночью, выпили несколько бочек меду, потчевали всех холопов, а остальное пораздавали им» (цит. по: [Полухин: 12]). А перед этим, говоря о взятии Междибожа, где проживала одна из крупнейших еврейских общин Подолья, тот же корреспондент писал: «...несколько тысяч казаков пошли к Междибожу. Кривонос взял этот город штурмом и всех жителей перерезал. Слышно, что и Шаргород подвергся той же участи» [Полухин: 8]. Конечно, «все жители» – это не украинское население города, а поляки и евреи. По данным мартиролога уничтоженных в эти годы еврейских общин «Тит Гаявен» («Непролазная грязь»), составленного Шмуелем Файвишем, сыном венского раввина Натана Файтеля, «и было там около трёхсот богатых домохозяев, с утра до вечера усердно изучавших Тору, и были убиты все» [Шаргород].

По Зборовскому договору 1649 г. линия размежевания между казаками и поляками прошла от Винницы к Ямполью в том числе через Шаргород, что привело к изменению управления городом. Казацкая рада назначала сотника, который опирался на сотенного есаула, им помогали писарь и судья. По свидетельству Нагребецкого, «сотнику принадлежала административная, военная и исполнительная власть. Был введен контроль за финансами, налогообложением населения города и близлежащих сел, охраной торговли и ремесел» [Нагребецкий: 31]. Однако это не избави-

ло жителей Шаргорода от вторжений то польских войск, то казаков, что привело к миграции еврейского населения во внутренние польские губернии. Ситуация усугублялась эпидемией чумы («морowego поветрия»), начавшейся в Европе в 1654 г. Болезнь не миновала Польшу, с которой Россия вела войну.

Вмешательство Османской империи в русско-польское противостояние привело к Русско-турецкой войне 1672–1681 гг. Пользуясь поддержкой своего вассала гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенка, султан Мехмет IV объявил войну Речи Посполитой и вторгся в Подолье, где вскоре был взят Ладыжин, Каменец-Подольский и, наконец, Шаргород. Турецкая оккупация города продолжалась в 1672–1699 гг. Видимо, Шаргород, несмотря на предшествующие годы разорения, настолько покорила захватчиков своим месторасположением и обликом, что они назвали его «Кучук Истамбул» («Маленький Стамбул»). Еврейская синагога была превращена в мечеть. Несмотря на это, «турки заботились о восстановлении городских построек и крепостных сооружений, о заселении города и восстановлении городского хозяйства... Известно, что турецкие власти, традиционно терпимые к евреям, предпочитали их полякам и украинцам в качестве городского населения, особенно ввиду продолжавшихся в течение 1670-х гг. попыток завоевания города то польскими, то казацкими войсками» [Шаргород]. По данным Нагребецкого, «во времена османского правления в Шаргороде возобновилась торговля, в том числе и восточными товарами. Известно, что турки, которые очень ценили торговлю, поощряли евреев-переселенцев из других мест» [Нагребецкий: 37]. Согласно условиям Карловицкого мирного договора 1699 г., турки покинули Подолье, в том числе и Шаргород.

Город опять перешел под власть Речи Посполитой. Как пишет А. Бондаренко, «Шаргородом владел брацлавский воевода Ян Александр Конецпольский, от которого город перешел к его родственнику Леонарду Конецпольскому, брацлавскому кастеляну. От него в 1773 г. – к сандомирскому воеводе Юрию Любомирскому, а затем к его сыну – брацлавскому и киевскому воеводе Станиславу Любомирскому, одному из богатейших людей того времени. Следующим владельцем Шаргорода во второй половине XVIII в. был Юзеф Сосновский. Его дочь Людвика была в браке с Юзефом Любомирским, и таким образом город снова перешел к Любомирским. Позже Шаргород отошел к старшему сыну Генрика Любомирского – политического деятеля, мецената, куратора Львовского Оссолинеума. Его сын, князь Юрий Генрик Любомирский, продал город своему родственнику Роману Сангушко из Славути. Последней владелицей Шаргорода была внучка Романа Сангушко Юлия Потоцкая» [Бондаренко].

После османского завоевания, в первые десятилетия XVIII в., в городе началось формирование новой еврейской общины. Перепись, проходившая в 1765 г., насчитывала в еврейской общине города 2 219 человек – на то время это была самая крупная община в Подолье, где по этим же данным проживало 38 356 евреев [Подолия]. Особенность еврейской общины заключалась в том, что в Шаргороде, как и во многих местах Подолья, стали распространяться мистические течения иудаизма. Здесь были последователи Шаббая Цви (саббатизм), Якова Франка (франкизм), а особенно – Израэля Баал-Шем Тов, или Бешта (хасидизм), который с 1740 г. проживал в Меджибоже, что чуть более 100 км от Шаргорода. Подробно об этом пишет в своем исследовании Нагребецкий [Нагребецкий: 39–40; 48–50]. Он полагал, что еврейская община Шаргорода в 30-х гг. XVIII в. находилась под непосредственным влиянием Бешта, а раввин города Яков-Иосеф-Коген был его учеником, последователем и автором первой хасидской книги «Толдот Яков-Иосеф» («История Якова Иосифа») [Нагребецкий: 48]. Автор описывает первую и ряд последующих встреч рабби Якова с Бештом. Однако члены общины в целом не разделяли взглядов и поведения своего раввина и изгнали его из города, а книги и рукописи сожгли. Какое-то время в городе оставались последователи Бешта и Якова – они перечислены в работе [Нагребецкий: 49–50].

В середине XVIII в. в Речи Посполитой проходили сложные внутривосточные процессы, в итоге приведшие к распаду государства и его разделу между более сильными соседями. Земли Восточного Подолья (в том числе и Шаргород) отошли к Российской империи после второго раздела в 1793 г. Западное Подолье по реке Збруч было присоединено к землям Габсбургской монархии после первого раздела в 1772 г.

Местечки Восточного Подолья оказались за чертой постоянной еврейской оседлости, как стала именоваться граница расселения еврейского этноса на присоединенных территориях⁹. Несомненно, это было сдерживающим фактором экономического роста еврейских подданных, что воспринималось ими как дискриминационная мера. Однако с точки зрения общегосударственных интересов введение черты оседлости рассматривалось как мера, сохраняющая экономические интересы русского купечества и предпринимателей в условиях возросшей конкуренции. Первоначально такой подход имел положительные результаты, однако по мере роста интеграции экономики явился сдерживающим фактором.

Так Шаргород оказался за чертой оседлости. Согласно описанию землемера, сделанному в 1799 г., здесь насчитывалось 283 еврейских дома, а также в торговых рядах «лавок каменных 36, малых 38»¹⁰.

Еврейскому населению было запрещено заниматься сельским хозяйством, поэтому оно было занято в торговле и ремесле. Согласно данным Электронной еврейской энциклопедии, в XIX – начале XX в. «47 % еврейского населения Подолья было занято в торговле, 30 % – в промышленности и ремеслах, 2 % еврейского населения – в сельском хозяйстве; насчитывалось 16 еврейских земледельческих поселений. Евреям принадлежало 157 фабрик (из 738), в основном мелких»¹¹. Шаргород, находившийся на перекрестке путей, в XVIII – начале XX вв. стал известным торговым местечком в Подольском крае.

В современном Шаргороде до сих пор сохранился комплекс застройки конца XVIII – начала XX вв., характерный для еврейского местечка. Как пишет Бондаренко, «в начале XX века евреи составляли 70 процентов населения Шаргорода. В городе им принадлежали все торговые учреждения, гостиницы и склады. Наверное, то, что наиболее отличает Шаргород от других подольских городов, это сохранившаяся еврейская местечковая застройка – одноэтажные глинобитные дома с деревянными крыльцами... Отличительной чертой местечкового дома является высокая четырехскатная черепичная крыша, визуально занимающая больше половины всей постройки»¹².

Самым оживленным местом была территория вокруг здания ратуши в Старом городе. Здесь между двумя главными улицами города располагались торговые ряды, вокруг которых было построено множество небольших лавочек. Жилые дома и торговые постройки располагались вплотную друг к другу, что в случае пожара являлось крайне опасным. При въезде в город у моста-плотины через речку Мурашку также стояли лавки, а также находилось двухэтажное здание корчмы с галереей-балконом. Большинство сохранившихся домов построено из местного материала – камня-песчаника на первом этаже и деревянного второго этажа. С учетом холмистой местности строились цокольные этажи зданий, имеющие арочные или балочные перекрытия. Вальмовые крыши в XX в. покрывали плоской черепицей.

Все междуречье между Мурашкой и Колбасной было заселено ремесленниками, которые жили там же, где и работали. Фасадная часть дома имела небольшую лавку по продаже произведенных изделий. По мере роста семьи или создания новой в связи с женитьбой сына с тылу дома пристраивались небольшие комнаты под общей крышей. Со временем проходы между домами сужались, а сами улицы не имели тротуаров и не мостились. Конечно, у такого дома отсутствовал двор, сад или огород.

От такой застройки отличались только шинки (питейные заведения) и «заезды» (постоялые дворы). В силу специфики деятельности они имели ворота

для заезда и двор для размещения лошадей. В Шаргороде было четыре «заезжих двора».

Отличительной особенностью шаргородских домов в еврейском квартале было наличие в них галерей вдоль уличных фасадов. Сверху они прикрывались сильно выступающей крышей, которая поддерживалась столбами. Перила были деревянными с резным рисунком. Некоторые галереи были застеклены и предназначались для проведения Суккота (праздника Кушей) с имитацией шалаша, крытого камышами.

В мае 1882 г. был принят нормативный акт комитета министров Российской империи «О порядке введения в действие правил о евреях», более известный как «Временные правила». Фактически это была реакция правительства Александра III на либеральный курс своего отца в отношении этой группы российских подданных. Документ запрещал евреям: «а) селиться в сельской местности; б) приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов и арендовать земельные угодья; в) торговать в воскресенье и в христианские праздники»¹³. Инициаторам и разработчикам этих мер представлялось, что они явятся факторами, сдерживающими рост экономической активности еврейского населения в интересах русских предпринимателей и купцов, дав определенные преференции последним. Однако экономическая жизнь страны оказалась слишком сложным механизмом, не позволявшим процветать одной части населения в ущерб другой. Так, корреспондент журнала «Вестник Европы» писал из Киева: «В течение девяти месяцев цены на сахар почти утроились. Первоначально вздорожание объясняли ранними осенними морозами, повредившими свекловицу, потом решили, что всему виною – жид... “Жиды, желая пополнить убытки от погромов, возвысили цены на сахар”... Дрова дорожают. Что за причина? Бесснежная зима, мелководье на Днепре, малый подвоз? Ну нет: “вся лесная торговля в руках жидов”. Попробуешь возражать, что Гаврилов, Фатеев, Задолинный – не евреи, но и слушать не хотят» (цит. по: [Кандель]).

От запрета на аренду или покупку недвижимости вне местечек пострадали экономические интересы владельцев-христиан, так как это привело к падению цен на недвижимое имущество в черте оседлости. На нестабильную ситуацию в стране отреагировали иностранные биржи: курс российских ценных бумаг стал падать, что подрывало стабильность иностранных вложений в экономику страны. Разорение еврейских купцов приводило к аналогичному процессу у их русских партнеров по бизнесу, связанных с ними договорами и кредитами. На Всероссийской выставке в Москве в 1882 г. русские купцы имели огромные трудности в реализации товаров, обычно приобретаемых евреями, которым по новым прави-

лам был закрыт въезд в город. Это обострило конкуренцию с австрийскими, польскими и немецкими производителями, которые изначально были ориентированы на покупателей в южных и западных русских губерниях.

Введенные законодательные нормы сказались прежде всего на еврейском населении местечек, в том числе и Шаргорода. В это время «шаргородская община наполнялась еврейскими бедняками, изгнанными из окружающих сел, а также с пятидесятиверстной приграничной полосой» [Нагребецкий: 71]. Государственная винная монополия, введенная в середине 1890-х гг., еще более усугубила ситуацию. Она касалась ряда еврейских семей, содержащих в Шаргороде шинки и постоялые дворы, и поставила под угрозу самостоятельное изготовление «изюмного вина», используемого в еврейском богослужении. Шаргородский корреспондент еврейской «Недельной хроники» ежемесячного журнала «Восход» писал: «...ходят теперь по улицам люди голодные, исхудалые с вытянутыми лицами; занятий, работ нигде никаких, а дома семейства их сидят без куса насущного хлеба. Преобладающим элементом населения Шаргорода является именно еврейский пролетариат, большинство которого – евреи, выселенные из сел и деревень... Нищета и безработица дошли до таких ужасающих размеров, что большая часть местных ремесленников буквально голодают, не имея даже каких-нибудь 3-4 копеек, чтобы купить в общественной чайной хлеба по удешевленной цене» (цит. по: [Нагребецкий: 72–73]).

Обнищание еврейского населения Шаргорода к концу XIX – началу XX вв. привело к двум последствиям. Во-первых, возросло налоговое бремя по чиншевому и свечному сборам – недоимки, которые приходилось выплачивать из коробочного сбора, который был обязателен к уплате для всех еврейских общин в черте оседлости. Он устанавливался городскими властями после консультации с руководством общины и должен был употребляться не только на уплату государственных налогов и долгов, но и на развитие социальной сферы – еврейских школ, благотворительность и т. п. Его использование исключительно на погашение долгов подрывало и без того слабую социальную инфраструктуру общины. Хотя в Шаргороде продолжало существовать частное еврейское училище для мальчиков, открытое еще в 1890-е гг.

Во-вторых, следствием ухудшения экономического положения евреев явилась их эмиграция из черты оседлости, главным образом в Америку. Поэтому к концу экономического кризиса 1900–1903 гг. еврейское население Шаргорода составляло только 1 011 человек.

Пережив кризис и депрессию, экономика России перед Первой мировой войной испытывала подъем, что сказалось и на росте благосостояния еврейских

жителей Шаргорода. Численность еврейской общины увеличилась до 5 000 человек. «Евреи держали практически все торговые заведения Шаргорода, им принадлежали четыре аптечных и шесть лесных складов, склад сельскохозяйственных машин и орудий, четыре гостиницы, мёдоваренный завод, мельница в Слободе Шаргородской и типография» [Кандель].

Первая мировая война началась 19 июля/01 августа 1914 г., а уже 4/17 августа произошла первая крупная битва на территории Подолья – у местечка Городок под Каменец-Подольским. Боевые действия на западе страны привели к фактической ликвидации черты оседлости и эмиграции евреев во внутренние губернии и за пределы империи. Де-юре черта оседлости была упразднена Временным правительством 20 марта / 02 апреля 1917 г. Постановлением «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», отменявшим любые ограничения в правах по национальному или религиозному признакам.

Подводя итоги, можно сказать, что в истории Шаргорода XVI – начала XX вв. отразились общенациональные процессы, проходившие сначала на границе России и Речи Посполитой, Запорожской сечи и Османской империи, а затем на юго-западных территориях Российской империи. Первоначально евреи прибывали сюда из Польши и немецких земель вслед за образованием самого города и освоением его территории. Еврейская община пользовалась покровительством польских правителей и обладала автономным самоуправлением. Планировка города практически не изменилась до нашего времени, еврейские кварталы всегда располагались в Старом городе. Синагога, построенная в 1589 г., является уникальным сооружением подобного типа по архитектурному облику и по изначальному замыслу – как часть оборонительных укреплений Шаргорода. Еврейская община на всем протяжении изучаемого периода была одной из самых крупных на Подолье, но, как и многие общины в этом крае, не избежала сильного влияния мистических течений иудаизма – саббатизма, франкизма, и особенно – хасидизма. Введение черты еврейской оседлости в 1792 г. ухудшило экономическое и правовое положение шаргородских евреев. Хозяйственная деятельность членов общины была связана с теми ограничениями, которые были введены общеимперским законодательством, разрешавшим лишь занятия ремеслом и торговлей. Положение евреев Шаргорода усугубили «Временные правила» 1882 г., а затем и экономический кризис 1900–1903 гг., что привело к вынужденной эмиграции части еврейского населения за пределы Российской империи. Улучшение социально-экономических условий быта и жизни стало наблюдаться в связи с экономическим подъемом в стране перед Первой мировой войной. Но начавшиеся уже в начале августа 1914 г. боевые действия

на Подолье фактически привели к ликвидации черты оседлости и кардинальному изменению общенациональной ситуации в стране. Сохранившиеся до наших дней жилые дома еврейских жителей Шаргорода свидетельствуют об их своеобразном социально-бытовом укладе и культуре.

Примечания

¹ 100 еврейских местечек Украины: исторический путеводитель. 2-е изд., испр. и доп. / ред.-сост. В. Лукин, Б. Хаймович. Харьков: Тарбут Лаам; Иерусалим; СПб.: Изд-во Петербургского еврейского университета, 1997. Вып. 1: Подолия. 319 с.

² 100 еврейских местечек Украины: исторический путеводитель / В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович. СПб.: Изд. А. Гершт, 1997. Вып. 2: Подолия. 2000. 704 с.

³ Обзор Подольской губернии за 1892 год. Каменец-Подольск: Губ. тип., 1893. 182 с.

⁴ Визначні пам'ятки Вінниччини: альбом / Вінниц. обл. краєзн. музей; відп. за випуск К. Висоцька. Вінниця, 2011. 220 с.

⁵ Шнайдер Е. Шальной штетл Шаргород. URL: <https://ujew.com.ua/shal-noj-shtetl-shargorod> (дата обращения: 15.12.2020).

⁶ Історія української архітектури / ред. В. Тимофієнка. Київ: Техніка, 2003. 471 с.

⁷ Архив Юго-Западной России. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. Ч. VII. Т. 2. С. 394–412.

⁸ Иллюстрированный путеводитель по Юго-Западным казенным железным дорогам / сост. П.Н. Андреев. К.: Тип. С.В. Кульженко, 1898. С. 145.

⁹ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа. М: Юридическая литература, 1991. 496 с. С. 439.

¹⁰ Шаргород. Винницкая область. URL: <http://myshtetl.org/vinnitskaja/shargorod.html> (дата обращения: 15.12.2020).

¹¹ Подолия. Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/13253/> (дата обращения: 10.12.2020).

¹² Бондаренко А. Шаргород. URL: <https://ukrainaincognita.com/ru/kostely/shargorod> (дата обращения: 10.12.2020).

¹³ Временные правила. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/10979/> (дата обращения: 12.12.2020).

Список литературы

Андрющенко И.А. Культурологическая регионалистика: в поисках методологии // Таврические студии. Сер.: Культурология. 2013. № 4. С. 35–40.

Багдасарян В.Э. Антироссийские исторические мифы. СПб: ООО «Питер», 2016. 384 с.

Безнюк Д.К. Цивилизационные войны: наука, идеология и язык как оружие // История и общественно-гу-

манитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира / Материалы круглого стола. Минск: Ковчег, 2014. С. 3–7.

Воловик В.Н. Этнокультурные ландшафты местечек Подолья // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 3. № 2. С. 191–207.

Ивановский А.А. Об антропологическом изучении инородческого населения России. М.: Типо-лит. А.В. Васильева и К^о, 1902. 24 с.

Кандель Ф.С. Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи. URL: <https://history.wikireading.ru/202188> (дата обращения: 15.01.2021).

Лавочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1–3. С. 446–453.

Малаков Д.В. По Восточному Подолью (от Жмеринки до Могилева-Подольского). М.: Искусство, 1988. 188 с.

Нагребецкий А.Н. Шаргород – еврейское местечко. Винница: ГП «ГКФ», 2011. 264 с.

Петров Н.И. Подолья. Историческое описание. СПб.: Тип. тов-ва «Обществ. польза», 1891. 401 с.

Пламеницкая О. Сакральна архітектура Кам'янець на Поділлі. Кам'янець-Подільський: Абетка, 2005. 388 с.

Полухин Л. М. Кривонос, Д. Нечай, И. Богун – народные герои Освободительной войны 1648–1654 гг. Киев: Госполитиздат, 1954. 40 с.

Розина В.А. Информационные войны в период политической консолидации // Обозреватель-Observer: науч.-аналитич. журнал, 2015. № 9. С. 79–86.

Стрелецкий В.Н. Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологический журнал. 2007. № 5. С. 3–13.

Элькинд А.Д. Евреи. Сравнительно антропологическое исследование, преимущественно по наблюдениям над польскими евреями. М.: Типо-лит. Васильева, 1903. 458 с.

Isard W. et al. Ecologic-economic analysis for regional development. New York, 1972, 283 p.

Iwo Cyprian Pogonowski. Jews in Poland. A documentary history. Nowy Jork, Hippocrene Books, 1998, 425 p.

Jasienica P. Polska Piastow. Warszawa, Proszynski i S-k, 2007, 396 p.

Rebecca Weiner. The Virtual Jewish History Tour – Poland. Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/> (дата обращения: 12.12.2020).

Regionale politische Kultur, ed. by H.G. Wehling. Stuttgart; Berlin; Koeln; Mainz, Kohlhammer, 1985, 163 p.

Stanisław Kot. Polska rajem dla Żydów, piekłem dla chłopów, niebem dla szlachty. Warszawa, 1937; Tadeusz

Rutkowski, Stanisław Kot, 1885–1975: biografia polityczna. Warszawa, DiG, 2000, 458 p.

Weinryb B.D. The Jews of Poland: A social a. econ. history of the Jew. community in Poland from 1100 to 1800, by Bernard D. Weinryb. Philadelphia, Jew. publ. soc. of America, 1982, 424 c.

References

Andriushchenko I.A. *Kul'turologicheskaja regionalistika: v poiskakh metodologii* [Cultural regional studies: in search of methodology]. *Tavrisheskie studii. Seriya: kul'turologiia* [Tavrisheskie studios. Series: Culturology], 2013, № 4, pp. 35–40. (In Russ.)

Bagdasarian V.E. *Antirossiiskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths]. SPb, ООО «Piter» Publ., 2016, 384 p. (In Russ.)

Bezniuk D.K. *Tsivilizatsionnye voiny: nauka, ideologiya i iazyk kak oruzhie* [Civilizational Wars: Science, Ideology and Language as Weapons]. *Istoriia i obshchestvenno-gumanitarnye nauki kak instrument tsivilizatsionnoi voiny protiv Russkogo mira* [History and Social Sciences and Humanities as an Instrument of the Civilizational War against the Russian World]. Minsk, Kovcheg Publ., 2014, pp. 3–7. (In Russ.)

Volovik V.N. *Etnokul'turnye landshafty mestecek Podol'ia* [Ethnocultural landscapes of the small towns of Podillya]. *Kul'turnaia i humanitarnaia geografiia* [Cultural and humanitarian geography], 2013, vol. 3, № 2, pp. 191–207. (In Russ.)

Ivanovskii A.A. *Ob antropologicheskom izuchenii inorodcheskogo naseleniia Rossii* [On the anthropological study of the foreign population of Russia]. Moscow, Tipo-lit. A.V. Vasil'eva i K^o Publ., 1902, 24 p. (In Russ.)

Kandel' F.S. *Evrei Rossii. Vremena i sobytia. Istoriia evreev Rossiiskoi imperii* [Jews of Russia. Times and events. History of the Jews of the Russian Empire]. URL: <https://history.wikireading.ru/202188> (access date: 15.01.2021). (In Russ.)

Lavochkina N.A. *Regional'naia identichnost': poniatie i sushchnost'* [Regional identity: concept and essence]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniï* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2016, № 1-3, pp. 446–453. (In Russ.)

Malakov D.V. *Po Vostochnomu Podol'iu (ot Zhmerinki do Mogileva-Podol'skogo)* [Along the Eastern Podillia (from Zhmerinka to Mogilev-Podolsky)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988, 188 p. (In Russ.)

Nagrebetskii A.N. *Shargorod – evreiskoe mestechko* [Shargorod is a Jewish town]. Vinnitsa, GP «GKF» Publ., 2011, 264 p. (In Russ.)

Petrov N.I. *Podoliia. Istoricheskoe opisanie* [Podolia. Historical description]. SPb., Publ. tov-va «Obshchestv. Pol'za», 1891, 401 p. (In Russ.)

Plamenitskaia O. *Sakral'na arkhitektura Kam'iansia na Podilli* [Sacral architecture of Kam'yantsya on Po-

dilli]. Kam'ianets'-Podil'skii, Abetka Publ., 2005, 388 p. (In Russ.)

Polukhin L. M. *Krivosos, D. Nechai, I. Bogun – narodnye geroi Osvoboditel'noi voiny, 1648–1654 gg.* [Bogun – national heroes of the Liberation War of 1648–1654]. Kiev, Gospolizdat Publ., 1954, 40 p. (In Russ.)

Rozina V.A. *Informatsionnye voiny v period politicheskoi konsiumerizatsii* [Information wars in the period of political consumerization]. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel'-Observer* [Scientific-analytical journal Observer-Observer], 2015, № 9, pp. 79–86 (In Russ.)

Streletskii V.N. *Istoricheskaia geografiia i regionalistika: puti i perspektivy vzaimodeistviia* [Historical Geography and Regional Studies: Ways and Prospects of In-

teraction]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal], 2007, № 5, pp. 3–13 (In Russ.)

El'kind A.D. *Evrei. Sravnitel'no antropologicheskoe issledovanie, preimushchestvenno po nabliudeniiam nad pol'skimi evreiami* [Jews. Comparative anthropological research, mainly based on observations of Polish Jews]. Moscow, Tipo-lit. Vasil'eva Publ., 1903, 458 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.03.2021; одобрена после рецензирования 16.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 27.03.2021; approved after reviewing 16.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.